

ЖАНР СТИХОТВОРНОГО ПОСЛАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. БАТЮШКОВА

Жанр стихотворного послания (эпистолы, письма) был широко распространен в русской литературе 18-первой половины 19 веков: "Письмо о пользе стекла" Ломоносова, "Эпистола о стихотворстве" Сумарокова, "Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке" Фонвизина, "Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи. . ." Карамзина

Основные жанры лирики Батюшкова — послание и элегия. Но между посланиями и элегиями, написанными до и после 1812 года, есть существенная разница. В стихах, созданных до 1812 года, главенствует тема радости, наслаждения жизнью, упоения любовью. В этих стихах много света, ярких красок, в них царит буйство чувств. Стихи Батюшкова до 1812 года — это гимн молодости с ее устремленностью к счастью, гимн жизни. В стихах, написанных после 1812 года, усиливается трагическая тема мгновенности счастья и неотвратимости смерти. Мысль поэта углубляется в поиск ответов на мучавшие его вопросы: что есть жизнь? что такое смерть? что делать человеку, оказавшемуся между этими двумя полюсами земного бытия? Здесь меньше света, менее яркие краски, но больше философской глубины.

Нарастание трагических мотивов в творчестве Батюшкова объясняется как причинами общественными, так и личными. Разочарование в надеждах на свободу и просвещение России, охватившее после 1812 года лучших, передовых людей из дворянской среды, в сильной степени захватило и Батюшкова. К этому надо прибавить и обстоятельства тяжелой складывавшейся личной жизни поэта, и приступы

надвигающейся душевной болезни.

Учитывая эту разность содержания стихотворения "военного" и "послевоенного" Батюшкова, нужно вместе с тем помнить, что в основе тех и других лежит антитеза между не удовлетворяющей поэта действительностью и его идеалом-мечтой. В поэзии Жуковского выражено то же противоречие. Но лирика Батюшкова отлична от поэзии Жуковского своим "земным" характером. Батюшкову чуждо порывание в мир беспредельного и таинственного. Его чувства привязаны к земле. Не принимая реальную действительность в которой господствует материальный избыток, он ищет свой идеал духовности в сфере той же реальной действительности.

Различие в самом характере дарования обоих поэтов распространяется и на разработку ими традиционных для начала 19 века жанров послания и элегии. В 1817 году Батюшков писал Жуковскому: "Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить"¹. Стремление Батюшкова "расширить" жанр свойственно не только его элегиям, но и посланиям.

Жанр послания в творчестве Батюшкова и Жуковского — это стихотворное письмо к друзьям, понимающим поэта. Отсюда их тон — доверительный, интимный, дружеский. Но между посланиями Батюшкова и Жуковского есть и существенное различие. Жуковский ведет разговор с друзьями на "высокой" ноте, т.е. на уровне высокого духовного общения, не опускаясь в сферу частного быта. Батюшков же смело сочетает тему высокого духовного общения с друзьями и картины частного быта, обнаруживающие в поэте меткого сатирика. Таким образом, расширение жанра послания происходит за счет включения в него картин живой действительности.

Другое отличие от посланий Жуковского состоит в том, что у Батюшкова почти нет собственно любовных посланий к женщине. Его послания этого рода ("К Хлое", "К Филисе") имеют общую с посланиями к друзьям тематику (неудовлетворенность жизнью, противопоставление ей мечты

о здоровой, нормальной, гармоничной жизни).

В основе структуры жанра послания Батюшкова лежит характерная для романтизма антитеза "жизнь-идеал". Лирический герой посланий отвергает торжество грубой материальной прозы, бессодержательность и пустоту жизни, бездуховность интересов. Он не приемлет мир, в котором каждый "То денег, то чинов, то славы он желает..." "И жадность к золоту весельем прикрывает" ("Послание к Хлое", 1804-1805). Его отношения к этому миру вот какое:

Презираю подлость глупую,
Не хочу кумирам кланяться
С кучей глупых обожателей.
Пусть змиею изгибаются
Твари подлые, презренные...

(К Филисе", 1804-1805).

Посреди мира чиновлюбия и стяжания лирический герой Батюшкова оберегает свою независимую духовную сущность, свою внутреннюю свободу, тщательно охраняя ее от вторжения внешнего порочного мира:

Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливыцы,
Придворные друзья
И бледны горделивыцы,
Надутые князья !

(*Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому

Лирический герой и его друзья - "Враги придворных уз" ("Мои пенаты"), "Чужды рабства и цепей" ("К Петину", 1810). Они духовно независимы, а потому счастливее "Всех вельмож и царей" ("К Петину").

Миру бездуховности и материального избытка Батюшков, таким образом, противопоставляет идеал личной свободы духовно богатого и независимого человека. В этом идеале

выразились настроения передовых людей начала 19 века, их жажда свободы вообще. Если лучшие из лучших дворянского общества—будущие декабристы — искали действенных путей обретения свободы, то другая часть, не желая смиряться с порочным общественным устройством, всеми силами оберегала свою внутреннюю свободу. И это было одной из форм неприятия социальной действительности, одной из форм защиты прав человека на свободу и счастье. Таким образом, идеал личной свободы в творчестве Батюшкова — гуманистический, просветительский идеал. Этот идеал поэт ищет и находит "на земле".

Каково содержание идеала личной свободы Батюшкова?

В ранних посланиях, еще несущих на себе следы сентиментализма, это отвлеченный образ "хижины", куда лирический герой удаляется со своей возлюбленной:

Сокроемся, мой друг, и навсегда простимся
С людьми и с городом: в деревню поселимся,
Под мирной кровлею дни будем проводить:
Как сладко тишину по буре нам вкушать!
("Послание к Хлое", 1804—1805).

В послании "К Филисе" идеал жизни в мирной "хижине" несколько конкретизируется:

... спокойствие есть счастье,
Совість чистая—сокровище,
Вольность, вольность—дар святых небес.

Спокойствие— свобода от мелочной погони за эгоистическим благополучием, чистая совесть и вольность—независимость от придворных предрассудков — вот содержание идеала жизни в мирной "хижине".

В зрелых стихах Батюшкова этот идеал еще более конкретизируется. В стихотворении "Мои пенаты" последовательно раскрываются те духовные ценности, которые Батюшков противопоставляет миру вещей. В "убогой хижине" поэта нет места баловням судьбы: "Фортуна", прочь с дарами Блистательных сует!" "И вас, любимцы счастья, навеки позабыл". Но всегда здесь найдут приют скромные,

простые люди:

Но, ты, о мой убсгой
Калека и слепой,
Идя путем—дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.

В "хижине" поэта царствует Любовь, воплощенная в условном образе Лилеты. Батюшков, в отличие от Жуковского, воспевает любовь земную, чувственную. Образ возлюбленной поэта не бесплотен, как в лирике Жуковского, а вполне осязаем в его материализованных, однако и обобщенных очертаниях: кудри золотые, очи голубые, кудри распущенны, рука белоснежная, алые уста. Любовные стихи Батюшкова могли бы показаться чрезмерно эротическими, если бы эротическое чувство не украшалось в них нежностью и изяществом. " В любви он совсем не романтик. Изящное сладострастие — вот пафос его поэзии. Правда, в любви его, кроме страсти и грации, много нежности, а иногда много грусти и страдания; но преобладающий элемент ее всегда—страстное вождление, увенчаваемое всею негою, всем обаянием исполненной поэзии и грации наслаждения"². Нежность и грация любовного чувства Батюшкова обнаруживаются в выборе "декорума" для образа Лилеты: она почивает " на ложе из цветов", в ее "локоны златые" "Две розы молодые с нарциссами вpleдись", дыхание Лилеты — "Как роз благоуханье, Как нектар на пирах!", образ Лилеты упорно сопоставляется с образом лилии — цветка невинности и чистоты (это сопоставление содержится и в самом имени — Лилета).

С любовью неразлучно вдохновение, часто посещающее поэта в уединенной "хижине":

И часто в мирной сени
Беседует со мной

Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!

Но с особенным наслаждением поэт вступает в духовное общение с любимыми своими друзьями-поэтами, живыми и мертвыми (в их книгах): Державиным, Карамзиным, Богдановичем, Нелединским-Мелецким, Дмитриевым, Хемницером, Крыловым, Жуковским, Вяземским. Батюшков обращается к своим любимым поэтам с задушевым призывом:

Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!

Тема "действительность — идеал" разрешается в конце стихотворения жизнерадостным призывом к счастью, к наслаждениям радостями бытия:

Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косою,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим,
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим. ..

По поводу этих стихов Белинский писал: "Окончательные стихи этой прелестной пьесы представляют изящный эпикуреизм Батюшкова во всей его поэтической обаятельности.. . Нельзя не согласиться, что в этом эпикуреизме много человеческого, гуманного, хотя, может быть, в то же время много и одностороннего"³.

Таким образом, поиск идеала духовно богатой, гармоничной жизни Батюшков ведет в реальной действительности. Однако этот идеал в стороне от большой дороги передового общественного движения, в котором участвовали и друзья Батюшкова (Н. Тургенев, Н. Муравьев), Этой отдаленностью и объясняется односторонность батюшковского идеала — защита права человека на личную свободу.

Но идеал личной свободы еще в пору создания ранних стихов предстал перед Батюшковым в своей внутренней противоречивости и неполноценности. Уже в довоенных стихах начинает звучать мотив мечты. Не удовлетворяясь достигнутым идеалом личной свободы, лирический герой устремляется в мир мечты. Мечта для него — также форма защиты своего духовного мира от насилия над ним со стороны "людей, пестрых кукл" ("Послание к Н.И. Гнедичу", 1805):

И счастье лишь там живет,
Где нас безумных, нет.
Мечта все в мире золотит,
И от печали злыя
Мечта нам шит.

Так сердце может лишь мечтою услаждаться!
(Послание к Н. И. Гнедичу", 1805).

Жизнь—миг! недолго веселиться,
Недолго нам и в счастье жить!
Недолго — но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта — прямая счастья мать!
(“Совет друзьям”, не позднее 1806г.).

Однако — ни обретенная личная свобода, ни мечта не спасают лирического героя поэзии Батюшкова от горького разочарования и уныния. Примерно с середины 10-х гг. в его стихах начинает нарастать мотив безочарования жизни, разрешающийся трагической темой смерти. Тема смерти у Батюшкова — выражение неприятия жизни, не соответствующей его гуманистическому идеалу.

Еще в ранних стихах появляется образ бездны — ямы, куда пропадают все попытки обрести счастье.

За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед — и в пропасть упадем!
(Послание к Хлое", 1804-1805).

За славой побежать и в яму поскользится?
("Послание к Н. И. Гнедичу", 1805).

Там сомнения разрешались жизнерадостными призывами к наслаждению радостями земного бытия. Но, вот, в 1815 году Батюшков пишет послание "К другу", полное безнадёжности и отчаяния.

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земле?
Где постоянно жизни счастье?

Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем . . .

Так все здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочны!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно, чисто, непорочно?
Так ум мой посреди сомнений погибал.

Лирический герой обращается к религии, к истории в поисках ответа на мучающие его вопросы и не находит его. В стихах Батюшкова чаще и чаще встречаем образы блуждающего странника и судна без руля, не знающего пристани, как художественное воплощение мук сомнений и разочарований. Но временами берет верх прежнее жизнелюбие:

Жуковский, время все поглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!

(1821).

И все же завершает свой творческий путь Батюшков стихотворением "Изречение Мельхиседека" (1821), поражающим крайним выражением пессимизма:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?

Рабом рождается человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

"Беспечный поэт-мечтатель, философ-эпикурец, жрец любви, неги и наслаждения, Батюшков не только умел задумываться и грустить, но знал и диссонансы сомнения и муки от — чаяния" ⁴.

Таким образом, амплитуда переживаний Батюшкова, выразившихся в жанре послания, необычайно широка — от упоения радостью до трагического ощущения дисгармонии всей жизни. Этой разносторонностью чувств Батюшков преодолевает некоторую односторонность переживаний Жуковского.

Послания Батюшкова еще более, чем послания Жуковского, непринужденны по своему тону. Батюшков вводит в них точные реалии быта:

Ветер воевт всюду в комнате
И свистит в моих окончинах,
Стулья, книги — все разбросано:
Тут Вольтер лежит на библии,
Календарь на философии;
У дверей моих мяучит кот,
А у ног собака верная
На него глядит с досадою.
("К Филисе", 1804-1805).

Часто такие бытовые картинки окрашены юмором. Иногда поэт создает сочные натюрморты в духе словесной живописи Державина:

И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вина,
И портер выписной,
И сочны апельсины,

И с трюфелями пирог —
Весь Амальтеи рог ...
("К Жуковскому", 1812).

Замечательным нововведением Батюшкова является создание словесных портретов. В послании "К Жуковскому" очень выразителен портрет врача, "домашнего Гиппократа", В "Ответе Тургеневу" — портрет поэта-певца любви. Оба портрета ироничны. В посланиях Батюшкова возникает и совсем необычное явление — словесный автопортрет:

Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец;
Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе ...
("К Жуковскому").

Так Батюшков изобразил себя в состоянии болезни. Формирование нового авторского "я", т. е. индивидуально-конкретного образа именно данного автора, началось еще в лирике Державина. Батюшков идет по пути еще большей конкретизации авторского "я". Он не только раскрывает индивидуально-конкретный образ жизни и характер данной авторской личности, как это было и у Державина, но и, как видим, создает автопортрет, очень выразительный и конкретный.

Батюшков продолжает традиции Державина и в сфере обновления языка поэзии. Как и Державин, он не гнушается просторечия: "Заплетет всем глаза", "От злости запыхались", "битые часа он три проговорит" ("Послание к "Хлое"), "на рифмы дюжий", "головорез" ("К Жуковскому").

Все эти новаторские элементы (бытовые реалии, лирический автопортрет, словесные портреты, юмор, просторечие) обусловили особую, непринужденную и естественную,

лирическую атмосферу посланий Батюшкова и подготовили будущую пушкинскую "поэзию действительности". "... Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобы имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением"⁵.

Совершенно раскованно чувствует себя Батюшков в области ритмики. Ритмическая организация его стиха необычайно разнообразна: это и классический шестистопный ямб ("Послание к Хлое"), и трехударный белый стих, народный по своей распевности ("К Филисе"), и разноstopный ямб, имитирующий полную непринужденность беседы с другом ("Послание к Н.И. Гнедичу", 1805), и четырехstopный хорей ("К Гнедичу", 1806), и трехstopный ямб ("Мои пенаты", "К Жуковсксму") и т. д. Ритмическая свобода Батюшкова также вела к рождению бесконечно свободного, как сама жизнь, стиха Пушкина.

Земные чувства, окрашенные высской духовностью, определенность и ясность словесных средств, пластика и скульптурность образов, гармония стиха — вот та школа поэзии Батюшкова, которую прошел Пушкин. Белинский писал, что стихи Батюшкова "при первом же своем появлении... должны были поразить общее внимание, как предвестие скорого переворота в русской поэзии. Это еще не пушкинские стихи, но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских... Так все готово было к явлению Пушкина..."⁶.

---

¹ Цит. по книге Л. Г. Фризмана "Жизнь лирического жанра", "Наука", М., 1973, с. 49.

² В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. 3, ГИХЛ, М., 1948, с. 297.

³ Там же, с. 4304.

⁴ Там же, с. 309.

⁵ Там же, с. 298.

⁶ Там же, с. 298.